

Козлов делает свою игру

Хотя Козлов и не одобрял нововведения в Устав партии, о которых он сам и доложил съезду, но, как опытный бюрократ, при первой возможности использовал их в своих интересах.

По предложению отца выборы нового ЦК проводили в соответствии с новым Уставом, то есть с ротацией трети его состава, одновременно обновлялся и состав Президиума ЦК. Кого избрали и не избрали в Центральный Комитет, сейчас абсолютно не интересно, а вот Президиум покинула группа Игнатова: он сам, Фурцева и Аристов. Предложения по персональному составу, естественно, вносил Хрущев, с кем он предварительно обсуждал список, мы не знаем, но в выигрыше оказался Козлов. Теперь он избавился от последних серьезных соперников. Микояна с Косыгиным Козлов таковыми не считал, да и пока поделать с ними ничего не мог.

Неожиданно за бортом оказался и Мухитдинов. Он тоже последние годы не ладил с Козловым, даже просил отца перевести его из секретарей ЦК в Совет Министров, подальше от Фрола Романовича. Отец обещал подумать, но и тут вмешался Козлов. На Мухитдинова последнее время жаловалась жена: он сильно пьет, а напившись, колотит и ее, и детей, ведет себя не как подобает коммунисту и члену Президиума ЦК, а как распоясавшийся средневековой бай. О пьянстве Мухитдинова доносило и КГБ, добавляя информацию о моральном разложении: он-де проходу не дает женщинам из обслуживающего персонала в резиденции, чуть что – распускает руки. Все эти жалобы и доносы Козлов до поры до времени копил у себя в сейфе. Теперь он вывалил их на стол отцу, убедил его, что такому аморальному человеку не место в Президиуме ЦК. Мухитдинова засунули в заместители председателя Центросоюза, организации далеко не престижной. Он едва удержался в рядовых членах ЦК.

И Фурцева, и Игнатов, и Аристов догадывались, что в Президиум ЦК они не попадут из-за уровня занимаемых должностей (соответственно: министр культуры, председатель комитета заготовок и посол в Польше), но всё же они на что-то надеялись, наверное, на чудо. А вот Мухитдинов в результатах перевыборов не сомневался.

Предупредить, что фамилии аутсайдеров не включат в список для голосования отец перепоручил Козлову. Ему хотелось избежать неприятных объяснений, а в случае с Фурцев-

вой – и ее слез, но получилось только хуже. Козлов то ли замотался в съездовской суете, то ли решил нанести удар исподтишка, чтобы они не имели никакой возможности пробиться к Хрущеву, но о своей судьбе «неудачники» узнавали только по мере зачитывания фамилий кандидатов для внесения в избирательный бюллетень. Невключение в состав Президиума ЦК, даже если оно и ожидаемо, для функционера все равно страшный удар, конец карьеры, первый шаг вниз по лестнице, еще вчера приведшей их на самый верх. Не все способны перенести его, сохранить достоинство. Игнатов с Аристовым сумели совладать с собой, а Фурцева с Мухитдиновым сорвались и даже не появились на заключительном заседании съезда. Отец забеспокоился и попросил помощников узнать, что случилось. Оказалось, что Мухитдинов с вечера сильно перебрал, буйнил и еще не пришел в себя. С Фурцевой же ночью вообще случилось несчастье, тоже сильно подвыпив с горя (Екатерина Алексеевна злоупотребляла алкоголем), она попыталась вскрыть себе вены, но рука дрогнула и самоубийство не удалось. Возможно, она и не собиралась расставаться с жизнью, а просто поженски пыталась таким образом привлечь к себе внимание, вызвать сочувствие, но ее поступок произвел противоположный эффект.

Отец расценил их отсутствие на заключительном заседании как демонстративное неуважение к съезду. Козлов немедленно предложил их всех, не мешкая, вывести и из членов ЦК. Отец согласился, но переголосовывать результаты выборов в день закрытия съезда счел неудобным, отложил исполнение приговора до очередного Пленума ЦК, уже намеченного на март 1962 года. К тому времени отец остыл, экзекуций он не любил, а Фурцеву, к тому же, попросту жалел: дура-баба. На Пленуме ограничились обсуждением и осуждением поведения провинившихся, но без каких-либо оргвыводов.